

обзорная статья

Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2022. Принята после рецензирования 09.08.2022. Принята в печать 26.09.2022.

Аннотация: В статье дается общее представление идеи выделения транслятивной лингвистики как особого научного направления в исследовании естественных языков, приводится очерк предпосылок, обуславливающих формирование идеи. Транслятивная лингвистика находит свое место в парадигме лингвистических дисциплин, выделяемых, во-первых, по особенностям методологии (квантитативная лингвистика, комбинаторная лингвистика, ассоциативная грамматика, лексикография как метод), во-вторых, по различным сторонам и уровням языка, выступающим в роли объекта и / или предмета исследования (историческая грамматика, фонетика, политическая лингвистика). Такое различие, описываемое как гносеологический и онтологический аспекты транслятивной лингвистики, составляет содержание двух первых частей статьи. Перевод трактуется как исследовательский метод, с помощью которого транслятивная лингвистика описывает и выявляет закономерности переведимого языка. Автором предлагается понятийно-терминологический аппарат транслятивной лингвистики; значительное внимание уделяется частным разновидностям перевода как метода: обратному переводу, машинному переводу и – в особенности – обратному машинному переводу. Рассматривается онтологический план транслятивной лингвистики, в котором естественный язык и его единицы выступают в ней как объект исследования. В качестве материала в теоретической части статьи выступают различные лингвистические работы, в которых идея транслятивной лингвистики нашла то или иное проявление. Главный метод анализа – лингвистическая логика, которая понимается автором как включение нового понятия в традиционную систему выработанных лингвистикой теоретических понятий, вошедших в контекст новейших исследований.

Ключевые слова: транслятивная лингвистика, переведимость, язык-транслятум, язык-транслянт, язык-транслят, текст-транслятум, текст-транслянт, текст-транслят, обратный машинный перевод, интерферент

Цитирование: Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 717–734. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734>

review article

Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions.

Part 1. Gnoseology of Translation

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Received 28 May 2022. Accepted after peer review 9 Aug 2022. Accepted for publication 26 Sep 2022.

Abstract: The article introduces translative linguistics as a special branch in the study of natural languages and describes the history of its development. Translative linguistics uses the methods of quantitative linguistics, combinatorial linguistics, associative grammar, lexicography, etc. It focuses on the same aspects of language as historical grammar, phonetics, political linguistics, etc. The ontology of translational linguistics sees the natural language and its units as its research object. Translation (reserve translation, machine translation, and reverse machine translation) acts as a research method that translational linguistics uses to describe the patterns of the translated language. The author reviews various scientific publications to describe the concepts and terms of translational linguistics. The author uses the method of linguistic logic, which is understood as incorporating a new concept in the traditional system of theoretical linguistic concepts.

Keywords: translational linguistics, translatability, target language, source language, back translation language, translatum language, translating language, translated language, reverse machine translation, interferent

Citation: Golev N. D. Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions. Part 1. Gnoseology of Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 717–734. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734>

Введение. Постановка проблемы, логика и структура статьи

Цель статьи – обосновать, что среди многих научных дисциплин и направлений, связанных разнообразными отношениями с переводом, целесообразно выделить особое направление, которое предлагаем назвать термином *транслятивная лингвистика* (ТЛ). ТЛ, на наш взгляд, выделяется гносеологически, потому что в ее рамках перевод трактуется как специфический метод исследования естественных¹ языков (ЕЯ), а также онтологически, т. к. имеет особый предмет исследования – транслятивное функционирование ЕЯ. Способ обоснования очерченной методологической идеи, используемый в статье, традиционный:

1) лингвистическая логика, которая понимается нами как включение нового понятия в систему теоретических понятий, выработанных лингвистикой, и в контекст новейших исследований², определила выбор жанра статьи – аспектуализированный обзор предшествующих работ, в которых проявились идеи транслятивной лингвистики (базовые аспекты обзора – гносеология и онтология перевода (части 1 и 2 настоящей статьи);

2) демонстрация исследовательских возможностей транслятивного изучения ЕЯ на конкретных примерах использования обратного машинного перевода (ОМП) для выявления закономерностей устройства и функционирования русского языка (часть 3 настоящей статьи).

Главный теоретический тезис статьи: перевод является одним из исследовательских подходов при изучении ЕЯ, обратный перевод (ОП) и ОМП – его частные методы. Исследователям языка (прежде всего русского) предлагается идея использования ОМП для изучения различных теоретических проблем и решения прикладных задач лингвистики. В части 1 автор обосновывает теоретико-методологическую базу такого использования, предлагает понятийно-терминологический аппарат транслятивного анализа языкового материала. В части 2 основное внимание уделяется характеристике онтологической стороны перевода и обоснованию тезиса, согласно которому перевод

является элементом естественной речевой деятельности и языкового материала, влияющим через их опосредование на устройство языковой системы. В части 3 автор иллюстрирует возможности транслятивной методологии на примерах решения с ее помощью различных лингвистических задач.

1. Ретроспективный обзор формирования авторской идеи ТЛ как особого направления в исследовании языка

Представим авторскую эволюцию идеи ТЛ, частью которой является поэтапное формирование текста данной статьи³.

1. Начальный этап замысла статьи связан с несистемными наблюдениями автора за результатами ОМП различных национально-специфических фраз на русском языке, а также фрагментов художественных и юридических текстов. По отсутствию целевых установок в таких наблюдениях этот этап с полным основанием может быть назван игровым.

2. Следующий этап связан с развитием идеи использования ОМП для межъязыкового общения и с разработкой проекта *Vavilon.net*, предполагающего возможность общения с носителем иностранного языка без знания этого языка путем приспособления переводимого текста к транслятивным способностям компьютерных программ [1].

3. Параллельно осуществлялась попытка внедрения электронной переписки с помощью ОМП в практику преподавания русского языка как иностранного. Реализация лингводидактического проекта велась по линии: от теоретической идеи [2] к ее практической реализации [3; 4].

4. Накопление игрового и прикладного материала привело к идеи целенаправленного использования ОМП для решения научных задач, т. к. ОМП позволяет получить системно организованный и неограниченно большой исследовательский материал; результатом развития этой идеи явилась статья об источниковом потенциале ОМП [5].

¹ Актуализация признака *естественный* по отношению к языку во многом обусловлена тем обстоятельством, что основным средством изучения языка, предлагаемым в статье, выступает машинный перевод, являющийся проявлением искусственного интеллекта. Отсюда автору важно было подчеркнуть, что использование программ искусственного моделирования языка в прикладных целях является способом изучения ЕЯ.

² Далее для реализации такого включения мы используем подраздел 2.2. *Аналогии и предшествования* и делаем системные отсылки к современным публикациям. Таким образом, раздел *Литература* выполняет в статье 2 функции одновременно: библиографии по теме и списка использованной литературы. Это соответствует формату статьи – одновременно обзорной и исследовательской по отношению к двум проблемам: перевод как метод исследования и перевод как проявление онтологии ЕЯ.

³ Считаем уместным привести авторские варианты названия настоящей статьи, показывающие ее замысел и эволюцию заглавия: Транслятивная лингвистика и обратный машинный перевод; Транслятивное функционирование языка как объект и предмет научного изучения естественного языка и обратный машинный перевод как его экспериментальный метод; Транслятивная лингвистика и обратный машинный перевод: онтология и гносеология; Транслятивная лингвистика – новое научное направление в изучении естественных языков (на примере обратного машинного перевода).

5. Постепенно оформлялась мысль о том, что не только машинный перевод (МП) и ОМП, а любой перевод может быть инструментом исследования ЕЯ. При этом мы пришли к выводу, что перевод может быть не просто источником материала, но и собственно методом – разновидностью лингвистического эксперимента в духе Л. В. Щербы [6], предлагавшего обращаться к показаниям языкового сознания и текстовым трансформациям с целью получения языкового материала для моделирования языковой системы⁴.

6. Гносеологический потенциал перевода стал поводом для оформления идеи о наличии у перевода онтологической стороны, т. е. понимания перевода как особого формата функционирования (шире – существования) языка; наличия у языка особого транслингвального плана (пространства) с его специфическими единицами, речевыми актами, языковым материалом – переводными единицами (прежде всего текстами); наличия оснований для признания перевода полноценным собственно языковым явлением, каждое из которых, по Л. В. Щербе, имеет 3 стороны и может быть рассмотрено в тройком аспекте: как проявление языковой системы, языкового материала и речевой деятельности. Предваряя дальнейшее развитие сюжета ЕЯ – объект ТЛ, отметим, что статья Л. В. Щербы во многом выступает методологическим основанием нашей концепции перевода.

7. Теоретическое развитие данной идеи логически привело нас к отделению такой отрасли лингвистики перевода от собственно переводоведения и формирования особого направления науки о языке – ТЛ, имеющей свой объект и предмет – ЕЯ в их транслятивном функционировании; методологию (в т. ч. идеи контрастивной лингвистики); совокупность методов, как общих (наблюдение, эксперимент, лингвистическая логика), так и специфических (перевод как особая форма эксперимента).

8. Стали формироваться концептуальные основания ТЛ – базовые постулаты и гипотезы, в частности:

- (1) герменевтическая гипотеза: степень переводимости текста прямо пропорционально коррелирует со степенью его понятности носителям языка, на котором написан переводимый текст;
- (2) когнитивно-коммуникативная гипотеза: понятность переведенного через ОМП текста для адресанта является эквивалентом понятности его для адресата;
- (3) гипотеза транслятивной акцентологии (интерференологии): любые устойчивые проявления воздействия исходного и целевого (а в случае ОМП и промежуточного) языка-транслянта могут рассматриваться как акценты в широком смысле, или интерференты.

9. Одновременно нами и под нашим руководством проводились прикладные исследования частных вопросов языка с использованием ОМП [9–12]. В этом плане, исходя

из сформулированной герменевтической гипотезы (1), мы рассматривали проблему сложности юридического языка и априорировали на практике возможность с помощью ОМП выявлять осложняющие элементы юридического текста, содержащие потенциал его неоднозначного и / или затруднительного понимания [13–16].

2. Результаты

2.1. Методологические принципы выделения ТЛ
Главным теоретическим положением о том, что перевод является одним из исследовательских подходов при изучении ЕЯ, а ОП и ОМП – его частные методы, мы продолжаем линию методологизации прикладных видов лингвистической деятельности. В статье [17] показано, что лексикографическое представление лексического материала правомерно трактовать не просто как особую лингвистическую деятельность по сбору материала и его словарной презентации, а как способ моделирования лексического материала по определенным принципам, отражающим его естественное устройство. Такое моделирование может быть квалифицировано как дискретизация лексики: семантическая непрерывность предстает в словаре как совокупность дискретных в смысловом отношении единиц. Дискретное состояние лексики представляет собой онтологическое состояние лексической семантики ЕЯ. Это подчеркивает общность принципов методологизации в представляемом нами смысле.

Продолжая аналогию, заметим, что подобным образом – как моделирование ЕЯ в заданном прикладном аспекте – может быть интерпретировано приспособление языка к учебным целям (например, для изучения русского языка как иностранного или как родного языка в русской школе), приспособление ЕЯ для компьютерного программирования в различных целях, в том числе для переводящих программ. В этом смысле перевод также является такой прикладной деятельностью, которая выступает как специфическая модель естественной речевой деятельности. В такой модели отражаются естественные свойства речи: анализ и синтез, производство (деривация и комбинаторика) и воспроизведение речевых единиц, а также свойства единиц языковой системы – их связей (парадигматика и синтагматика) или, напротив, их изолированность. Мы предлагаем рассматривать любой перевод и ОМП в частности не как объект изучения перевода и переводных текстов (это является объектом переводоведения), а как инструмент лингвистического исследования ЕЯ, как один из частных подходов к этим языкам и как один из конкретно-исследовательских методов. Считаем правомерным утверждение, что переводные текстовые единицы и тексты в целом возможно и целесообразно трактовать не только как объект переводоведения, но также и как собственно метод в рамках науки о языке вообще.

⁴ Подробнее такого рода эксперименты обсуждались нами в статье [7]. О возможности соотнесения результатов переводческого и ассоциативного экспериментов см. [8]. Наш опыт такого соотнесения представлен в разделе Понятийно-терминологический аппарат и графические формулы ТЛ.

Такое сочетание онтологического и гносеологического планов находится в рамках диалектической диалектологии. Любая модель представляет собой диалектическое единство онтологии и гносеологии, она одновременно и конструкция, и конструкт. В первом аспекте модель – схема внутреннего устройства изучаемого явления (конструкция); во втором – искусственный (в т. ч. мысленный) аналог устройства явления, воспроизводящий (реконструирующий) его объективное устройство (конструкт). Способы моделирования представляют собой методы исследования.

ТЛ и переводоведение. Транслатология (переводоведение, далее – ПВ) и ТЛ различаются по объекту и предмету. Названные дисциплины характеризуются разным онтологическим и гносеологическим планами. Онтологическую сторону оппозиции ТЛ и ПВ представляют следующие тезисы. Объектом транслатологии (ПВ) является перевод – перекодирование речевых произведений с одного языка на другой. ПВ изучает перевод в разных аспектах (например, процессуальном и результативном), в разных форматах (устном и письменном, человеческом и машинном). Прикладная цель ПВ – совершенствование переводческой деятельности. Объектом ТЛ является ЕЯ: скажем, русский, китайский, арабский, его фрагменты и уровни или конкретные речевые произведения на исследуемом языке: тексты, слова, предложения, рассматриваемые в аспекте их способности влиять на результат их перевода на другие языки вообще и на конкретные языки в частности. Этую способность фиксирует термин *переводимость*. Предметом ТЛ выступает транслятивное функционирование единиц и свойство переводимости в связи с этим. Таким образом, онтологию ТЛ представляют термины *транслятивная функция*, *транслятивное функционирование*, *транслятивное пространство*. Предметом изучения в ТЛ выступает функционирование ЕЯ в специфическом транслятивном пространстве, в котором единицы языка выступают как предмет перевода. Любая единица, отношение и свойство ЕЯ могут представлять такой предмет и являются носителями свойства переводимости. Данное свойство хорошо иллюстрируют следующие названия исследований: «Русское деепричастие как единица перевода» [18]; «Антропонимы как атрибут перевода» [19]. В статье Ц. Чжоу рассматривается вопрос перевода русскоязычных терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский [20]. На основе статистических данных автор исследует варианты таких терминов. Заметим, что в ТЛ вопрос ставится иначе: например, каковы особенности русских слов с суффиксом *-изм* в аспекте их переводимости на другие языки, в частности на китайский. Этим тезисом еще раз подчеркнем: ТЛ стремится объяснить, какие свойства элементов русского языка, например русского суффикса *-изм* и производных слов

с этим суффиксом, которые обусловливают именно такой, а не иной перевод этих слов на какой-либо иностранный язык, делают перевод легким или трудным. В транслятивном аспекте могут быть рассмотрены любые единицы, категории, отношения единиц. Для иллюстрации тезиса сформулируем названия гипотетических исследований: Разные формы русских причастий в аспекте их переводимости, Совершенный и несовершенный виды русского глагола в аспекте переводимости, Тематическая группа глаголов движения в русском языке в зеркале перевода, Цветовые прилагательные в аспекте переводимости, Синонимические отношения в лексике русского языка в аспекте переводимости и т. п.⁵ Все близко расположенные в семантическом плане единицы, отношения и свойства ЕЯ различаются по степени переводимости, которая может быть использована, если исследователь ставит такую задачу – измерить степень семантического расстояния между изучаемыми единицами ЕЯ. Наличие транслятивной функции у единиц ЕЯ предполагает наличие у них транслятивного потенциала. Любая языковая и речевая единица – от фонемы-буквы до текста (ср. [21]) – объективно существует и функционирует в межъязыковом пространстве и так или иначе обладает потенциалом выхода за пределы имманентного (одноязычного) функционирования. Такой потенциал означает готовность единицы быть заимствованной, калькированной, транслитерированной, транскрибированной или переведенной. В последнем случае правомерно утверждать, что она обладает потенциалом перевода (т. е. транслятивного) функционирования и переводимостью в разной степени. Предназначенность ЕЯ для его выхода в межъязыковое пространство в переводе формате⁶ предлагаем назвать транслятивной функцией ЕЯ, а само пространство функционирования – транслятивным. Таким образом, перевод ко всему прочему – особая сфера (формат) бытия ЕЯ, а ТЛ – разновидность лингвистики существования, изучающей онтологию ЕЯ.

2.2. Аналогии и предшествования использования идеи *перевод как метод* в лингвистической науке
 Методологический статус перевода не остается незамеченным лингвистикой, особенно в его гносеологическом плане. Очерченный подход к переводу как методу исследования языка не является абсолютно новым для лингвистической науки. Мнение о том, что стратегии и тактики переводческой деятельности и ее результат являются значимым лингвистическим материалом изучения переводимых слов, текстов (языков в целом), уже неоднократно высказывалось исследователями языка. Достаточно часто такая позиция находила конкретно-исследовательские проявления, когда лингвисты для выяснения тех или иных закономерностей ЕЯ

⁵ Такого рода исследования на материале ОМП будут представлены далее в продолжении статьи (Часть 3, раздел *Стендовые исследования*).

⁶ Например, в статье Е. Б. Борисевич «выявляются основные пути поиска переводчиком наиболее удачного эквивалента древнееврейских лексем **רוּשׁ** 'душа' и **לֹבֶן** 'плоть' в латинском, старопольском и старобелорусском переводах» [22, с. 59].

прибегали к переводу как деятельности либо как к ее результатам – переводным единицам, используемым в качестве средства (материала) исследования. В некоторых из них в разной степени эксплицитности указывается на теоретическую правомерность и методическую эффективность такого использования перевода (см., например [23–29]). В нашей статье [5] осуществлена попытка методологического обобщения работ данного направления на примерах использования ОМП в исследовательских целях. Представим некоторые из исследований такого рода, выполненные на материале русского языка, распределив их по уровнево-тематическому принципу.

1. Нередко к переводу как особому методу обращаются исследователи семантики слов, использующие его для дифференциации близко расположенных в смысловом поле языка лексических единиц. Чаще всего это единицы, отмеченные национальными особенностями. Для А. Д. Шмелева в ряде статей [30–33] отправной точкой анализа служит гипотеза, согласно которой «переводные эквиваленты и парадигмы языковой единицы могут быть использованы в качестве источника информации о ее семантике» [32, с. 238] (прим. – выделено нами). Подобным образом лингвисты обращаются к переводу при исследовании синонимических и других видов смысловых полей. Так, исследователи выявляют и описывают с помощью транслятивных методик разные фрагменты лексико-семантической системы русского языка [9; 34–37].

2. Исследование фразеологических единиц в транслятивном аспекте [38–41].

3. Деривационное взаимодействие лексических единиц и их семантических вариантов с помощью транслятивной методики [25–42]. В работах Н. В. Мельник (Сайковой) [43–48] перевод рассматривается как разновидность вторичных текстов и полноценный предмет дериватологии; на этом фоне Н. В. Мельник разрабатывает типологию переводческой деятельности и выявляет деривационные типы переводчиков, склонных к той или иной ее форме.

4. Изучение грамматического уровня русского языка с помощью перевода [18; 49], см. также исследование агентства переводов «ТрансЛинк»⁷.

5. Текст как объект транслятивных исследований представлен в работах [11; 50–52]. Особенno часто методологический аспект перевода актуализируется в исследованиях художественных текстов в связи с их сильной этнолингвистической составляющей [23; 53–58].

6. Рассмотрение перевода как метода обучения имеет давнюю традицию в лингводидактике [59–61]. Частные лингводидактические возможности перевода анализируются в статьях [62–67].

7. В заключение обзора работ, маркирующих перевод как инструмент изучения ЕЯ, отметим наши попытки ввести методику ОМП в прикладную область, представленную юрислингвистической экспертизой текста закона-проекта [13; 15; 68].

8. В плане взаимоотношений ТЛ и ПВ особого рассмотрения заслуживает вопрос об использовании ОМП для решения важнейшей прикладной задачи ПВ – улучшения качества перевода. В этом плане интересна статья А. А. Колесникова и Р. И. Баженова [69], которые предлагают использовать ОМП для решения специфической проблемы – машинного способа измерения качества переводного текста путем сопоставления его с переводимым текстом и выявления процента их схожести. Постановку вопроса о формальных технологиях измерения качества перевода текста находим также в работе [70], где предлагается оценка качества МП на основе ансамблевых методов машинного обучения, и в [71], где рассматриваются реперные точки как инструмент оценки качества перевода. В таком же ключе выстраивается методика улучшения качества перевода с использованием ОП [72]. Авторы видят научную новизну своего способа «в использовании процедуры получения ОП, его сравнения с оригинальным текстом для численной оценки качества МП, а также поиска несоответствий с применением системы выявления нечетких дубликатов в параллельных корпусах и последующей их корректировки» [72, с. 102]. Вопросы о соотносимости степени семантического расстояния между переводимым и переведенным текстами (в том числе с помощью ОМП) и качества перевода и о поиске несоответствий путем обратного мы более подробно осветим далее.

2.3. Основные тезисы, раскрывающие идею перевода как метода исследования ЕЯ

Представим исходные теоретические положения, обосновывающие предлагаемый метод.

1. Методика ОМП является частной методикой контрастивной лингвистики, предполагающей изучение одного языка сквозь призму другого языка. Возможно, транслятивная лингвистика⁸ вполне адекватно представляет данное направление. Ее методологическая презумпция такова: рассмотрение языка в зеркале другого языка⁹ часто позволяет

⁷ Аналитические и синтетические языки. Машинный перевод между ними. ТрансЛинк. 26.06.2020. URL: <https://www.t-link.ru/about/news/news-company/2751/> (дата обращения: 08.08.2021).

⁸ Предлагаемый термин естественным образом встает в ряд терминов, обозначающих лингвистические дисциплины по специальному методу: компартивистика, квантитативная лингвистика, математическая лингвистика, экспериментальная лингвистика, отчасти – компьютерная лингвистика и этнолингвистика.

⁹ Ср. рассмотрение идеи контрастивности в исследовательских целях в [73–76]. Для фиксации этой идеи авторы часто прибегают к метафорам зеркало, отражение [77–79]; ср. также название журнала «Русский язык и культура в зеркале перевода». Иной терминологический вариант для обозначения контрастивной лингвистики – конфронтативная лингвистика, конфронтативистика [80–82].

увидеть особенности первого, которые могут быть незамеченными при его прямом рассмотрении. Перевод является зеркалом, которое отражает не только внутренние особенности переводчика (в том числе машинного), его инструмента (в том числе программу перевода, заложенную в компьютере) и особенности языка, на который осуществляется перевод (в машинном переводе к нему относится и язык-посредник, обслуживающий программу), но и особенности переводимого языка (его подсистем, единиц и текстов). Именно последнее обстоятельство актуализируется в предлагаемом нами способе изучения единиц (слов, предложений, текстов и т. п.) русского языка на фоне их ОП.

2. Переводимость, непереводимость, разные степени переводимости и непереводимости – **внутренние** потенциальные **объективные** свойства переводимых единиц как единиц транслятивного функционирования языка; их потенции проявляются в переведенном формате, в реальных словах, предложениях и текстах. Данная оппозиция коррелирует с оппозициями системного и функционального, эмического и этического планов языка – транслятам и транслятами. Изучая проявления языка-источника в переводных единицах, мы получаем важный канал для понимания и моделирования языка. Переводы через ОМП – один из таких каналов, имеющий как свои преимущества и перспективы, так и недостатки и ограничения.

3. Переводимость как объективное свойство переводимого языка имеет разные составляющие и проявления. Важнейшее из них, на наш взгляд, – семасиологическое – **способность перевода отражать разложимость единиц (прежде всего лексических) ЕЯ на универсальные элементы, которые далее в процессе МП и ОМП комбинируются в новые комплексы**, находящие соответствие в переводащем и переводимом языках. Таким образом, происходит трансформация неповторимого (национальная комбинация сем) в повторяющееся и обратно. Например, первая строфа гимна СССР: *Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь. Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский Союз!*, пройдя МП и ОМП (англ.), дает на выходе: *Союз неуничтожимых свободных республик Великая Россия сплотилась навсегда. Да здравствует созданный волей народов один могучий Советский Союз!* Изменение нерушимый в неуничтожаемый, навеки – в навсегда, Русь – Россия, единый – в один хорошо иллюстрирует трансформацию специфических русских семантем (комбинаций сем) в более простые и, следовательно, универсальные комбинации. Говоря об объективности свойств переводимости / непереводимости единиц языкового и речевого материала, считаем важным подчеркнуть, что мера объективности именно в МП значительно увеличивается, т. к. в случае МП и ОМП ее определение прямо не зависит от субъективного отношения к ней исследователя. Это замечание важно для тех сфер, где объективность выходит за гносеологические рамки

и становится социальной категорией, как, например, в судебной лингвистической экспертизе или экспертизе текста законопроекта [13; 15; 16; 68].

4. Предлагаемая методика получения языкового материала и алгоритмы манипуляции с ним являются особым лингвистическим **экспериментом**, близким к эксперименту в понимании Л. В. Щербы, в котором данные, полученные в результате апелляции к носителям языка и их реакции на различные вопросы и задания, проецируются исследователем на модель внутреннего устройства языка. Такое сближение, на наш взгляд, не противоречит диалектике стихийного и рационального, естественного и искусственного: данные МП и ОМП являются обобщением речевого материала под определенным углом зрения, и такое обобщение и концентрация не противоречат законам ЕЯ, что вытекает из факта успешного обслуживания многими программами МП потребностей рядовых носителей ЕЯ. Важно заметить, что наличие элементов обобщенности в таких программах, их искусственного происхождения, разного рода ограничений и в силу этого часто невысокого качества трансляционного продукта не являются препятствием для получения объективных сведений о ЕЯ и речевой деятельности. В некотором роде надиндивидуальность, надсубъективность дают некоторые преимущества такому лингвистическому источнику, как показания МП (ОМП). Пропуская языковой материал через фильтр многослойного перевода – иностранного языка (одного или нескольких, параллельно и / или последовательно) – и наблюдая за его трансформацией после этих процедур, исследователь имеет возможность увидеть в этом зеркале те факторы (например, внутренние свойства языкового материала), которые приводят к таким, а не иным трансформациям. В сущности, используя ОМП, он проводит языковой эксперимент с черным ящиком, который включает в себя порождающие возможности языковой системы, языковой способности и языкового сознания коллективного носителя языка. Важной особенностью такого черного ящика является то, что исследователь имеет возможность задавать материалу на входе в черный ящик разные варианты содержания и формы, изначально (гипотетически) трактовать оппозиции вариантов как факторы трансформации и, сравнивая вход и выход черного ящика, подтверждать или опровергать гипотезы. О тесной связи перевода с экспериментом как исследовательским методом см. также [71; 83; 84].

5. Перевод является деривационным процессом – образованием переводной единицы от переводимой: переводной текст является вторичным (производным) тестом по отношению к переводимому; в когнитивном аспекте вторичный текст является интерпретацией первичного; перевод так же, как изложение, реферат, пародия, киносценарий по роману и др., является вторичным текстом и формой интерпретации текста-первоисточника [85–87]. Частные жанры вторичных устных и письменных текстов представлены в работах [88–93].

6. Перевод является **интерпретационным** процессом. На этом базируется наша гипотеза транслятивной интерпретации: интерпретирующий текст не только онтологизирует субъективный процесс интерпретации и в своих субъективных проявлениях отражает объективные свойства исходного текста; результаты интерпретации заложены в свойствах самого интерпретируемого текста, выступающего в роли носителя потенциала его интерпретации и деривационного развития. Переводный текст является следствием разных причин, в том числе лежащих в самом переводимом тексте. Смыловые несоответствия (смысловая неэквивалентность) переводимого и переведенного текстов, обнаруживаемые в последнем, являются сигналом избыточной сложности, нечеткости выражения мысли или двусмыслинности исходного текста. На этом базируется наше предложение использовать для перлокутивной экспертизы текста законопроекта, имеющей целью предотвратить непонятность, недоступность, неоднозначность толкования текста закона для рядового законопослушного гражданина, ОМП и программы сравнения текстов на схожесть.

7. Для решения ряда прикладных задач важно сформулировать гипотезу в когнитивно-коммуникативных терминах: такие категории текста, как смысловая простота / сложность, ясность, неопределенность, являются объективно-субъективными; их объективная сторона обнаруживается в тексте и его единицах, субъективная проявляется в таких свойствах, как доступность, понятность, легкость / трудность, однозначность / неоднозначность понимания. В конкретно-исследовательском плане **транслятивная гипотеза** может быть сформулирована следующим образом: шкалы степеней переводимости, смысловой близости и ясности / доступности / смысловой сложности текста соотносимы и находятся в отношениях прямо пропорциональной зависимости: чем сложнее, неопределеннее исходный текст, тем дальше в смысловом отношении от него будет находиться переводной текст и тем больше трудностей при его восприятии и интерпретации будет испытывать читатель. Превышение степени деформации смысла исходного текста в переводе – сигнал его повышенной смысловой сложности. Из этого следует важный практический тезис: изучая результаты транслатологической интерпретации, воплощенные в переводном тексте (или в других переводных единицах), и трактуя их как неэквивалентные в смысловом плане по отношению к переводимому тексту, мы имеем основания видеть причины эквивалентности не только в деятельности «антропопереводчика» или «технопереводчика», но и в самом тексте – его pragmatике, синтаксике и семантике.

На важность и сложность проблемы измерения смыслового расстояния между переводимым и переведенным текстами указывает В. Н. Базылев: «Мы распознаем близкий фрагмент такого пространства в исходном тексте и подбираем ему эквивалент, а основную работу человек

как бы уже проделал, мы только подгоняем изменения. Нерешаемую задачу повторения процесса, происходящего в голове человека, мы вообще удаляем и экономим большие силы на разработке. Все это оказывается, к сожалению, верно, пока мы имеем дело с небольшими модификациями. Но что следует считать **большой деформацией**, а что **малой модификацией**? На самом деле для величины деформации можно ввести метрику на множество слов и как бы взвешивать, близко они находятся друг к другу в обычном языке или нет» [93, с. 89–90] (прим. – выделено нами). Выделенное считаем формулировкой одной из важнейших задач ТЛ, особенно в тех случаях, когда она использует данные ОМП.

8. ОП, МП и ОМП представляют собой частные методы транслятивной лингвистики, выступают как специфические разновидности экспериментального подхода к языку. Использование МП, ОП и ОМП – по сути лингвистический эксперимент, действующий по типу черного ящика (вход – переводимая единица, выход – переведенная единица).

Переводы через ОМП как один из важных каналов для понимания и моделирования языка, получаемый посредством изучения проявлений языка-источника в переводных единицах, имеет как свои преимущества и перспективы, так и недостатки и ограничения. Преимущество МП и ОМП как исследовательских инструментов – возможность варьирования входа материала в черный ящик в необходимом для исследователя параметре (например, при изучении вида – меняя видовые и / или залоговые формы: *я делал стол, я сделал стол, стол сделан мной*). Многочисленные примеры предисследований такого типа представлены в разделе 3 настоящей статьи.

Транслятивные выходы техноперевода (МП и ОМП) в исследовательском плане по своему качеству принципиально не отличаются от выходов антропоперевода, а в ряде отношений являются более надежными показателями:

- более независимы от субъективности переводчика и исследователя;
- легко соотносятся с формально-количественными характеристиками;
- позволяют выходить за пределы узуса в пространство потенций исследуемого ЕЯ;
- позволяют легко верифицировать результаты путем неограниченного повтора и вариатизации входящих данных;
- обладают дополнительными техническими ресурсами, например, возможностью применения различных переводных программ, программ сопоставления текстов на схожесть, поисковых систем Интернета с их статистическими данными;
- характеризуются быстрой получения результата эксперимента, его надежностью и вытекающей из этого высокой степенью повторяемости условий входа и выхода, воспроизводимостью результата, что повышает уровень исследовательской верификации.

3. Понятийно-терминологический аппарат и графические формулы ТЛ

Назовем базовые понятия и термины, предлагаемые для нового научного направления: транслятивная лингвистика¹⁰; транслятивное¹¹ функционирование языка (лексики, слова, текста); функционирование языка и его единиц и фрагментов в пространстве их перевода на другой язык, задающее тем самым особое видение языка; деривационное функционирование языка (слова, лексики, текста и др.) – функционирование единиц языка в расширяющемся пространстве, которое связано с их деривационным развитием – образованием от данной единицы других единиц, представляющим собой реализацию деривационного потенциала исходной единицы. Переводное (транслятивное) функционирование языковых единиц является частным случаем их деривационного функционирования [95]. Для нас принципиально важно, что в транслятивных дериватах перевода текста (слова, морфемы и др.) отражаются свойства исходного текста (слова, морфемы и др.), формирующие его деривационный потенциал. К базовым терминам ТЛ следует отнести также: переводимость / непереводимость (абсолютная и относительная); лингвостнический барьер переводимости; акцент в широком понимании.

Отметим частные понятия, касающиеся взаимоотношений переводимых и переведенных единиц. Применительно к тексту-деривату распространено употребление дериватологического термина *вторичный текст*, при этом нередко подчеркивается, что вторичный текст отражает свойства первичного. В транслятологии отмечается использование для обозначения первичного текста терминов *переводимый текст, исходный текст, текст-оригинал*, для вторичного текста – *переведенный текст, переводной текст*.

Считаем целесообразным поставить вопрос об использовании лексикализованных терминов, производных от термина *трансляция*, например: *транслятум, транслянт и транслят* в значении «переводимый», «переводящий», «переведенный» (например, *текст-транслятум, текст-транслянт, текст-транслят, язык-транслятум, язык-транслянт, язык-транслят*).

Аналогии и предшествования. Поиски лексикализованных терминов, отражающих отношения первичности / вторичности, имеют структурные аналоги в лингвистике. Так, термины *экспликант* и *экспликандум* встречаем у С. Д. Кацнельсона: ученый обозначил с их помощью уточняемого и уточняющего слов [96]. Термины *инвектор* и *инвектум* (оскорбляющая и оскорбляемая / оскорбившаяся личность) использованы в статье [97]. Подобные терминологические поиски отмечены у других авторов. Например, О. И. Блинова в парадигме единиц мотивологии использует термины *мотиват* (мотивированное слово) и *мотиватор* (мотивирующее слово) [17]. А. А. Баркович применительно к общей дериватологии пишет: «Основой соответствующей научной практики является презентация базовых понятий: для деривационных отношений приоритетными будут вопросы метаописания самой деривации как феномена и ее базовых единиц – дериватов, деривантов, дериватов» [98, с. 68]. Ранее мы предложили термин *мотивант* для обозначения средства маркирования мотивационных отношений в лексике, ср. *формант* в словообразовательной парадигме «Русской грамматики». В этом смысле термин *транслянт* (переводящий текст) хорошо коррелирует с инструментальным смыслом текста на языке, через опосредование которого возникает трансляционный вариант (транслянт) исходного (переводимого) текста. Считаем целесообразным и удобным использовать термины *транслянт-1, транслянт-2* и т. д. для обозначения звеньев транслятивной цепочки, если их несколько¹², при этом завершающий этап ОП может быть обозначен термином Т-2-И (Транслянт-И), отражающим возврат к исходному переводимому тексту. На наш взгляд, предлагаемая нами система терминов коррелирует с термином *транслатема*, предложенным С. В. Тюленевым; эмический суффикс придает инвариантный смысл термину, который, по С. В. Тюленеву, «отражает константу переводческого соответствия плана содержания, обладающего своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке оригинала (в ИЯ), плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке в ПЯ».

¹⁰ Представляет интерес следующий транслятологический момент: словосочетание *транслятивная лингвистика*, проведенное через ОП по цепочке *русский – английский – русский*, дает на выходе словосочетание *переводческая лингвистика*, которое, на наш взгляд, является правомерным русскоязычным эквивалентом предлагаемому нами термину (ср. [94]). Дериватологический нюанс в связи с этим: русское прилагательное *переводческий* соотносится с *переводчик*, что задает субъектно-действительностный смысл словосочетанию *переводческая лингвистика*. В этом плане для того смысла, который мы предлагаем для термина *транслятивная лингвистика*, казалось бы, «подходит» прилагательное *переводный* (*переводнОй*), но его коннотация, относящаяся к переводу более соответствует термину *транслятология* (*переводоведение*) и не вскрывает онтолого-гносеологического значения термина *транслятивная лингвистика*, дистанцирующейся от переводоведения.

¹¹ Термины *транслятивный* и *трансля/ятологический* предлагаем использовать в разных смыслах: *транслятивный* (дериват от *трансляция*) – в онтологическом (транслятивное функционирование, траслятивная единица как языковой и / или речевой феномен), *трансля/ятологический* (дериват от *транслятология* – науки о переводе) – в гносеологическом (трансля/ятологический метод / подход, трансля/ятологическое исследование).

¹² В качестве иллюстрации цепочечной связи используем шутку из Интернета: Экзаменатор слушает ответ студента, потом останавливает его и говорит: «Однажды я взял свою лекцию и перевел ее в ГУГЛ-переводчике на вьетнамский язык. С него перевел на испанский, потом – на хинди, потом – на польский, с польского – на немецкий, с него – на чешский, а с чешского – обратно на русский. И результат получился все равно более внятным, чем ваши ответы». Замечу, что наша проверка степени внятности многозвеневого перевода текста данной шутки через 8 указанных языков-транслянтов показала отнюдь не провальный итоговый текст-транслят: Эксперт выслушал ответ ученика, затем остановился и сказал: «Я однажды взял мою лекцию и перевел ее как переводчика GUGL во Вьетнам, хинди, польский, польский на немецкий, чешский на чешский и чешский в Россию, и результат легче понять, чем ваши ответы». Косвенное замечание: этот перевод подтверждает вывод С. В. Бездорожева об относительной приемлемости (с точки зрения качества перевода) машинной трансляции для решения переводческих задач *определенного* типа [99]; ср. также [100].

и является «константой с точки зрения переводоведения», но «варьируется от звука (буквы) до целого текста» с точки зрения лингвистики [101, с. 89].

Завершая терминологический экскурс, рассмотрим термин *интерферент* (или *акцент в широком смысле*), фиксирующий устойчивые отклонения от норм любого уровня и плана языка-транслятума в текстах перевода, которые могут варьироваться от звука (буквы) до целого текста. В близком значении находим термин в работах [102–105]; ср. иллюстрацию явления *акцент в широком смысле* как любых помех, создаваемых языком-транслянтом и транслятами в межъязыковой коммуникации: «Ведь неслучайно "ложные друзья переводчика" относят к отрицательным интерферентам, – словам, затрудняющим процесс овладения иностранным языком» [106, с. 96]. В рассматриваемом аспекте терминологии важной для нас представляется статья З. Г. Прошиной, в аннотации к которой автор пишет: «Данная работа посвящена рассмотрению дискутируемых ныне явлений транслингвальности¹³ и транскультурности, причин появления данных терминов и их размежеванию с синонимичными номинациями. На основе частотного анализа посредством информационно-поискового механизма Гугла¹⁴ показана употребительность данных терминов и их синонимов и детерминированность их использования определенными типами дискурса» [107, с. 155]. О терминах *транслингвальная ситуация*, *транснъязыковой текст* см. также [108]. Далее в части 2 продолжения настоящей статьи в разделе *Транслятивная лингвистика и вариантология* содержание понятия *интерферент* будет рассмотрено подробнее.

Предлагаемый терминологический аппарат имеет орфографическую проблему, связанную с написанием гласной буквы (звука) после «л»: «а» либо «я»; вариативно также и произношение: [л] или [л']. Орфографический узус показывает сложную картину, в нем отражаются противоречия системы и нормы, транскрипционной и транслитерационной передачи иноязычных слов средствами русского языка. Статистика поисковых систем Интернета отражает эти противоречия и сложности. Проиллюстрируем их количеством страниц, на которых зафиксированы термины в соответствующих написаниях: *транслятивный* (2380) / *транслятивный* (261), *транслят* (2530) / *транслят* (0), *транслатема* (21700) / *транслятема* (126), *транслятив* (5100) / *транслятив* (573), *транслятор* (481000) / *транслятор* (17200), *транслятология* (2380) / *транслятология* (765), *трансляция* (47600000) / *трансляция* (23800) (в основном страницы на украинском, сербском и болгарском языках). Можно отметить некоторые тенденции, например: чем более специализирован термин

(транслятив, транслятология), тем более он тяготеет к «а». Тем не менее в настоящей статье, где используется весь спектр дериватов слова трансляция, мы решили в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии унифицировать их написанием через «я». К этому добавим такой факт (и аргумент): в «Обратном словаре русского языка» только 1 слово заканчивается на **-ация** (эскалация) и 50 – на **-ляция** (от ингальция до инфляция).

Представим терминологию и графическую запись деривационной цепочки на примере переводимого и переведенного текста: исходный (переводимый) текст языка (Т-1 рус.) через призму текста на другом языке, в нашем случае – через двойную призму: переводного текста (Т-2) и Т-2-И, или ОМП-транслянт, – русский текст в зеркале текста, полученного в результате двойного (прямого и обратного) перевода на иностранный язык. Таким образом, в результате ОМП получается **отражение и преломление** русского текста (или другой единицы на любом другом языке) в двойном транслятивном зеркале – программы МП и естественной системы языка-транслянта.

Применительно к МП и ОМП предлагаем такую запись деривационной цепочки на примере исходного и вторичного чешского языков (русский язык – чешский язык – обратно русский язык):

T-1 рус. → T-2 рус.-чеш. → T-3 чеш.-рус.,

где Т-1 рус. – исходный русский текст-транслятум; Т-2 рус.-чеш. – текст-транслянт, полученный в результате МП Т-1 рус. на чешский язык; Т-3 чеш.-рус. – вариант русского текста, возникший после перевода Т-1 рус. на чешский язык и обратно на русский. Приведем сокращенную интерпретацию трактовки звеньев: Т-1 = рус.; Т-2 = чеш.; Т-3 = рус.-чеш.-рус. Заметим, что цепочки такого рода могут быть сколько угодно разнообразны по использованным языкам и по своей «длине» (количество звеньев); они могут быть двуязычными, трехъязычными, многоязычными; двузвенными, трехзвенными, многозвенными. Пример многозвеневой и многоязычной цепочки приведен выше в сноске 12.

Заключение

В статье в формате аспектуализированного обзора описаны предпосылки выделения и институционализации ТЛ как специфического направления в изучении ЕЯ. В рамках этой задачи рассмотрены гносеологические и онтологические основания такого выделения, и в этом ключе охарактеризовано содержание предполагаемой отрасли знания, как гносеологическое, так и онтологическое. Логика осуществленного обзора – от констатации существования

¹³ В связи с этим – о терминах-адъективах: лингвальный, транслингвальный – онтологический план; лингвистический, транслятологический – гносеологический план.

¹⁴ Употребительность, частотность – онтологический (квантитативный) план языка – выступают как объект лингвистического изучения, поисковые механизмы Интернета – как средство изучения данного объекта.

особой отрасли знания – ТЛ – к ее генетическим предпосылкам, понимаемым не в диахронно-хронологическом смысле, а в смысле детерминистском, т. е. с точки зрения причин и фактов научной жизни, обуславливающих формирование идеи ТЛ как особого научного направления. В статье доказаны, во-первых, особость объекта и предмета ТЛ, отличающая ее от ПВ, которая формирует специфический подход к рассматриваемым явлениям языка (рассмотрение языка сквозь призму перевода); во-вторых, наличие у ТЛ совокупности специфических методов. Использование перевода для исследования закономерностей языка не является целенаправленным или специально направленным экспериментом с изучаемым явлением (по А. В. Щербе, языковым материалом, речевой деятельностью, элементом языковой системы).

Предложенные в статье термины являются вероятностными с точки зрения их узуализации и легитимизации. Дальнейшая лингвистическая практика призвана показать научную востребованность в них, а также приемлемость для практики предложенного для дефиниций содержания и формы его выражения. В перспективе исследования – раскрыть сущность изучаемого вопроса в двух последующих частях статьи. В части 2 обосновываются понятия транслятивного функционирования языка, транслятивного пространства как его особого функционального образования, перевода как единицы такого функционирования и пространства, переводимости как внутреннего содержательного свойства единиц переводимого языка, степени переводимости его единиц. Свойство переводимости

единиц исследуемого языка трактуется в статье как главный предмет и результат транслятивного исследования. Значительное внимание в части 2 уделяется обоснованию тезиса, согласно которому перевод является элементом естественной речевой деятельности и языкового материала и через их опосредствование влияет на устройство языковой системы. В части 3 автор иллюстрирует возможности транслятивного метода на примерах решения с его помощью различных лингвистических задач. В частности, осуществляется стендовая демонстрация исследовательских возможностей транслятивного исследования языка на базе использования ОМП для выявления закономерности устройства и функционирования русского языка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of scientific project No. 20-412-420004 р_а: "Linguistic monitoring of social tension in Kuzbass".

Литература / References

1. Голев Н. Д. Интернет-проект «Vavilon.net (МП + ОМП)» как способ межъязыковой коммуникации, обучающая программа и источник для лингвистических исследований естественного языка. *Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике*: Междунар. науч. конф. (Барнаул, 18–20 октября 2018 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 17–20. [Golev N. D. Web project "Vavilon.net (MT + RMT)" as a method of interlanguage communication, a learning program and a source for linguistic studies of natural language. *Innovative technologies and approaches in intercultural communication, linguistics and linguodidactics*: Proc. Intern. Sci. Conf., Barnaul, 18–20 Oct 2018. Barnaul: AltSPU, 2018, 17–20. (In Russ.)] EDN: YVIBTF
2. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Лингводидактическая программа «Обучение иностранному языку в ходе онлайн-переписки» как форма учебной коммуникативной практики: методологические аспекты. *Язык и культура*. 2018. № 44. С. 152–166. [Golev N. D., Sologub O. P. Linguo-didactic program "Teaching foreign language through online-correspondence" as a form of educational and communication practice: methodological aspects. *Language and Culture*, 2018, (44): 152–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/44/10>
3. Сологуб О. П. Онлайн-переписка как самообучение. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 3. С. 180–186. [Sologub O. P. On-line correspondence as self-teaching. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 180–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-180-186>
4. Сологуб О. П. Общение в сетях в учебных целях (на примере онлайн-переписки). *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. А. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. С. 203–222. [Sologub O. P. Communication in networks for educational purposes (using the example of online correspondence). *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 2, 203–222. (In Russ.)] EDN: AUEURG
5. Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода. *Вестник КРСУ*. 2018. Т. 18. № 1. С. 36–45. [Golev N. D. Source potential of the back machine translation. *Vestnik KRSU*, 2018, 18(1), 36–45. (In Russ.)] EDN: YSPBUD

6. Щерба Л. В. О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкоznании. *Языковая система и речевая деятельность*. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24–39. [Shcherba L. V. The threefold aspect of linguistic phenomena and experimental linguistics. *Language system and speech activity*, 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2004, 24–39. (In Russ.)]
7. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 3. С. 172–179. [Golev N. D. Experimental research of the Russian vocabulary and texts within one linguistic school: experience of summary and methodological reflection in hindsight. Paper 2. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 172–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-172-179>
8. Шестерина Е. А. Экспериментальное изучение содержания образов языкового сознания на основе метафорических контекстов с помощью результатов переводческого и ассоциативного эксперимента. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 8. С. 176–181. [Shesterina E. A. Experimental study of the content of images of language consciousness on the basis of metaphorical contexts using the results of translation and associative experiment. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2017, (8): 176–181. (In Russ.)] EDN: ZFDHPJ
9. Константинова Н. А., Лебедева Н. Б. Обратный машинный перевод как инструмент описания глагольной семантики (на материале конструктивных глаголов русского языка). *Актуальные проблемы и перспективы русистики: мат-лы Междунар. конф. русистов в Барселонском университете*, МКР-Барселона 2018. (Барселона, 20–22 июня 2018 г.) Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1255–1264. [Konstantinova N. A., Lebedeva N. B. Reverse machine translation as a tool for describing verbal semantics (based on the material of constructive verbs of the Russian language). *Current trends and future perspectives in Russian studies: Proc. Intern. Conf. on Russian Studies at the University of Barcelona*, MKR-Barcelona 2018, Barcelona, 20–22 Jun 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018, 1255–1264. (In Russ.)] EDN: BFDZDR
10. Башкатова Ю. А. Обратный машинный перевод как способ измерения смыслового тождества / различия вариантов текста. *Современная парадигма анализа языка и межкультурной коммуникации и ее applicативный потенциал в обучении родному и иностранным языкам: мат-лы национ. науч. конф.* (Барнаул, 18–19 сентября 2019 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 18–23. [Bashkatova Yu. A. Reverse machine translation as a method of measuring semantic identity / difference of text versions. *The modern paradigm of language analysis and intercultural communication and its applicative potential in teaching native and foreign languages: Proc. Nation. Sci. Conf.*, Barnaul, 18–19 Sep 2019. Barnaul: AltSPU, 2020, 18–23. (In Russ.)] EDN: DENNGT
11. Антонов В. Е., Башкатова Ю. А. Разработка формально-количественных алгоритмов на основе ОМП. *Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин (к 125-летию со дня рождения М. М. Бахтина):* сб. ст. национ. науч. конф. (Кемерово, 18 декабря 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. С. 85–88. [Antonov V. E., Bashkatova Yu. A. Development of formal quantitative algorithms based on reverse machine translation. *Topical issues of philology and methods of teaching philological disciplines (to the 125th anniversary of M. M. Bakhtin): Proc. Nation. Sci. Conf.*, Kemerovo, 18 Dec 2020. Kemerovo: KemSU, 2021, 85–88. (In Russ.)] EDN: MFMHYV
12. Голев Н. Д. Статистические данные поисковых систем Рунета как лексикографический источник. *Лексикография цифровой эпохи: сб. мат-лов Междунар. симпозиума*. (Томск, 24–25 сентября 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 36–38. [Golev N. D. Runet search engine statistics as a lexicographic source. *Lexicography of the digital age: Proc. Intern. Symposium, Tomsk, 24–25 Sep 2021. Tomsk: TSU, 2021, 36–38. (In Russ.)*] <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-10>
13. Голев Н. Д. Компьютерное измерение сложности юридического текста. *Проблемы и перспективы современной научной мысли в России и за рубежом: сб. тез. II Междунар. конф.* (20 апреля 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 8–13. [Golev N. D. Computer measurement of the complexity of a legal text. *Problems and prospects of modern scientific thought in Russia and abroad: Proc. II Intern. Conf.*, Kemerovo, 20 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 8–13. (In Russ.)] EDN: YEAIOK
14. Голев Н. Д. Выявление и описание сигналов напряженности плана содержания и плана выражения текстов законо-проекта: экспериментальный проект (к постановке проблемы). *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы: сб. тез. национ. конф.* (Кемерово, 15 октября 2019 г.) Кемерово: КемГУ, 2019. С. 8–14. [Golev N. D. Identification and description of signals of tension of the plan of content and the plan of expression of the texts of the bill: an experimental project (to the formulation of the problem). *Topical issues of science and technology: problems, forecasts, prospects: Proc. Nation. Conf.*, Kemerovo, 15 Oct 2019. Kemerovo: KemSU, 2019, 8–14. (In Russ.)] EDN: QKFXKF
15. Голев Н. Д. Перлокутивная экспертиза текста законопроекта с использованием компьютерных технологий (на материале статьи 32 «Лесного кодекса РФ» от 04.12.2006 № 200-ФЗ). *Современные тенденции развития науки: сб. тез. III национ. конф.* (Кемерово, 25 декабря 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 11–13. [Golev N. D. Perlocative examination of the text of the bill using computer technology (based on Article 32 of the "Forest Code of the Russian Federation" dated

04.12.2006 No. 200-FZ). *Modern trends in the development of science*: Proc. III Nation. Conf., Kemerovo, 25 Dec 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 11–13. (In Russ.)] EDN: AIDS1

16. Голев Н. Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики. *Инновационные, информационные и коммуникационные технологии*: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 1–10 октября 2020 г.) М.: Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Жуковского, 2020. С. 8–11. [Golev N. D., Melnikova V. S. Reverse engineering translation at the service of legal linguistics. *Innovative, information, and communication technologies*: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Sochi, 1–10 Oct 2020. Moscow: Association of graduates and employees of AFEA named after prof. Zhukovsky, 2020, 8–11. (In Russ.)] EDN: VPEMLG

17. Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики: теоретическое наследие О. И. Блиновой. *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы*: сб. тез. II национ. конф. (Кемерово, 15 октября 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 10–15. [Golev N. D. Lexicography as a method of describing vocabulary: the theoretical legacy of O. I. Blinova. *Topical issues of science and technology: problems, forecasts, prospects*: Proc. II Nation. Conf., Kemerovo, 15 Oct 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 10–15. (In Russ.)] EDN: PTCRGK

18. Лю Д. Русское деепричастие как единица перевода: грамматические, семантические и pragmaticальные аспекты перевода на китайский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с. [Liu D. *Russian adverbial participle as a unit of translation: grammatical, semantic, and pragmatic aspects of translation into Chinese*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 25. (In Russ.)] EDN: ZPINKN

19. Хуснулина Р. Р., Хоу М. Антропонимы как атрибут перевода (на примере перевода «Кроткой» Ф. М. Достоевского на английский и китайский языки). *Казанская наука*. 2019. № 3. С. 7–10. [Khusnulina R. R., Hou M. Anthroponyms as an attribute of the transfer (the translation "The gentle spirit" by F. M. Dostoevsky in English and Chinese as an example). *Kazan Science*, 2019, (3): 7–10. (In Russ.)] EDN: AKJOSR

20. Чжоу Ц. Перевод терминов с суффиксом -изм с русского языка на китайский. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2015. № 3. С. 101–116. [Zhou J.-hui. Russian-to-Chinese translation of terms with the -ism suffix. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia. 22. Teoriia perevoda*, 2015, (3): 101–116. (In Russ.)] EDN: VFZKCV

21. Обидина Е. Ю. Марина Цветаева и Мадонна: транслятивный текст. *Семиозис и культура: философия и феноменология текста*, под общ. ред. В. А. Сулимова, И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: КГПИ, 2009. Вып. 5. С. 101–106. [Obidina E. Yu. Marina Tsvetaeva and Madonna: a translational text. *Semiosis and culture: philosophy and text phenomenology*, eds. Sulimov V. A., Fadeeva I. E. Syktyvkar: KSPI, 2009, iss. 5, 101–106. (In Russ.)] EDN: YWSADW

22. Борисевич Е. В. Некоторые особенности перевода древнееврейских лексем נֶשׁ [nefeš] «душа» и בָּשָׂר [basar] «плоть» (на материале латинского, старопольского и старобелорусского переводов Книги Бытия. *Вестник БДУ. Сер. 4. Филология. Журналістыка. Педагогіка*. 2006. № 1. С. 59–63. [Borisovich E. V. Some features of the translation of the Hebrew words נֶשׁ [nefeš] "soul" and בָּשָׂר [basar] "flesh" (based on the material of the Latin, Old Polish and Old Belarusian Versions of Genesis. *Vesnik BDU. Ser. 4. Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2006, (1): 59–63. (In Russ.)] EDN: TFKWKD

23. Бабков В. О. Художественный перевод как метод и профессия. *Мосты. Журнал переводчиков*. 2010. № 1. С. 17–22. [Babkov V. O. Literary translation as a method and profession. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2010, (1): 17–22. (In Russ.)] EDN: RILDAF

24. Белый А. С., Саланина О. С. Сопоставительный анализ перевода как метод лингвистического исследования. *Межкультурная коммуникация и СМИ*, под ред. О. С. Саланиной. Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 4–6. [Belyi A. S., Salanina O. S. Comparative analysis of translation as a method of linguistic research. *Intercultural communication and mass media*, ed. Salanina O. S. Barnaul: AltSU, 2020, 4–6. (In Russ.)] EDN: DZPXZP

25. Морозов А. В. Обратный лексикографический перевод как метод исследования деривационного потенциала русского слова в межъязыковом пространстве. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2004. № 1. С. 71–74. [Morozov A. V. Lexicographic backtranslation as a method of investigation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2004, (1): 71–74. (In Russ.)] EDN: PIJKWZ

26. Овсянникова Е. В. Эквивалентность и тест на обратный перевод. *Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства*: Междунар. науч. конф. (Омск, 23–25 октября 2015 г.) Омск: ОГИС, 2015. Ч. 2. С. 135–140. [Ovsyannikova E. V. Equivalence and back translation test. *The role of Siberia in the multicultural and multilingual world of the modern Eurasian space*: Proc. Intern. Sci. Conf., Omsk, 23–25 Oct 2015. Omsk: OSIS, 2015, pt. 2, 135–140. (In Russ.)] EDN: VIQBRL

27. Фетисов А. Ю. Объем понятия «проблема перевода» в аспекте категории переводимости. *Studia Linguistica XIX. Человек. Язык. Познание*, отв. ред. И. А. Щирова. СПб.: Политехника-сервис, 2010. С. 144–149. [Fetisov A. Yu. The scope of the concept of "translation problem" in the aspect of the category of translatability. *Studia Linguistica (Saint Petersburg)*, 2010, (XIX): 144–149. (In Russ.)] EDN: RVBBYP

28. Чарычанская И. В. Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 2. С. 50–58. [Charychanskaya I. V. Reverse translation as a tool for comparing and analyzing the texts of the original and translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2003, (2): 50–58. (In Russ.)] EDN: PKIJVL

29. Шимановская Л. А. Переводческие исследования и их специфика. *Вестник Казанского технологического университета*. 2010. № 3. С. 450–456. [Shimanovskaya L. A. Translation researches and their specific character. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2010, (3): 450–456. (In Russ.)] EDN: LKXXUH

30. Шмелев А. Д. Лингвоспецифичные слова в переводах (с русского языка и на русский язык). *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2016. № 1. С. 658–665. [Shmelev A. D. Linguage-specific words in translation (from Russian and into Russian). *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, 2016, (1): 658–665. (In Russ.)] EDN: VZCLWN

31. Шмелев А. Д., Зализняк А. А. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.) М.: РГГУ, 2017. Т. 2. Вып. 16. С. 394–406. [Shmelev A. D., Zalizniak A. A. Reverse translation as a tool for analysis of discourse words. *Computational linguistics and intellectual technologies*: Proc. Annual Intern. Conf. "Dialogue". Moscow, 31 May – 3 Jun 2017. Moscow: RSUH, 2017, vol. 2, iss. 16, 394–406. (In Russ.)] EDN: XNFZZF

32. Шмелев А. Д. Перевод как инструмент анализа семантики лингвоспецифичных слов: страх и трепет в русском языке в свете данных параллельных корпусов. *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2020. № 1. С. 238–250. [Shmelev A. D. Translation as a tool for analysis of language-specific words: 'fear' and 'trembling' in Russian in the light of the data of parallel corpora. *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, 2020, (1): 238–250. (In Russ.)] EDN: MVVHCX

33. Шмелев А. Д. Лексикографическое описание лингвоспецифичной лексики в зеркале перевода. *Лексикография цифровой эпохи*: сб. мат-лов Междунар. симпозиума. (Томск, 24–25 сентября 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 17–19. [Shmelev A. D. Lexicographic description of language specific words in the light of translation. *Lexicography of the digital age*: Proc. Intern. Symposium, Tomsk, 24–25 Sep 2021. Tomsk: TSU, 2021, 17–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-4>

34. Власенко С. В. Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2007. № 532. С. 171–183. [Vlasenko S. V. Branch translation: synonymization of terminology as a method of compensation of the systemic dissonance of English-Russian terminosystems. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2007, (532): 171–183. (In Russ.)] EDN: LEUQEJ

35. Красковский Н. И. «Челночный» перевод как метод формирования функционально-семантических классов и синонимических рядов русского и белорусского языков. *Часоп. Белар. дзярж. ун-та. Філалогія*. 2017. № 1. С. 84–90. [Krasouski M. I. "Shuttle" translation as a method of formation of functional semantic groups and synonymous series in Russian and Belarusian languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.*, 2017, (1): 84–90. (In Russ.)] EDN: VPQXBH

36. Питталуга Р. Особые случаи перевода глаголов движения с русского на итальянский язык (стилистика и переводческая эквивалентность). *Университетский научный журнал*. 2016. № 20. С. 147–156. [Pittaluga R. Special issues of translating verbs of motion from the Russian into Italian language (stylistics and equivalent translation). *Humanities & Science University Journal*, 2016, (20): 147–156. (In Russ.)] EDN: WIDJN

37. Рунтова Т. А. Перевод как метод экспликации семантического поля. *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2006. № 3. С. 265–267. [Runtova T. A. Translation as a method of explication of the semantic field. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (3): 265–267. (In Russ.)] EDN: SYFLQD

38. Копыленко М. М. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. *Филологические науки*. 1964. № 1. С. 162–168. [Kopylenko M. M. On interlanguage idiomaticity and related phenomena. *Filologicheskie nauki*, 1964, (1): 162–168. (In Russ.)]

39. Рябцева Н. К. «Грамматикализованные фразеологизмы» как когнитивно-коммуникативные доминанты в научной речи на русском языке и их межъязыковая идиоматичность. *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 2. С. 171–181. [Riabitseva N. K. "Grammatical phraseological units": their dominating patterns in Russian academic style and their cross-linguistic idiomaticity. *Cognitive studies of language*, 2021, (2): 171–181. (In Russ.)] EDN: VJQNTG

40. Нуртдинова Л. Р. Межъязыковая идиоматичность в ономасиологическом аспекте. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2020. № 2. С. 230–240. [Nurtdinova L. R. Interlinguistic idiomaticity in the onomasiological aspect. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva*, 2020, (2): 230–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-52-2-215>

41. Алексеева М. Л. К проблеме не/переводимости фразеологизмов. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2019. № 3. С. 8–13. [Alekseeva M. L. To the problem of un/translatability of idioms. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2019, (3): 8–13. (In Russ.)] EDN: CYYAIK

42. Пишкова Е. Ю., Мирная Д. А. Неологизмы как важная составляющая современного русского языка: лингвистический и транслатологический аспекты. *Заметки ученого*. 2018. № 2. С. 34–37. [Pishkova E. Yu., Mirnaya D. A. Neologisms as the important component of modern Russian language: linguistic and extra-linguistic aspects. *Zametki uchenogo*, 2018, (2): 34–37. (In Russ.)] EDN: YWSEET

43. Сайкова Н. В. К постановке проблемы деривационной интерпретации вторичных текстов. *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературе*: мат-лы Первых Филологических чтений, посв. 65-летию НГПУ (Новосибирск, 24–25 ноября 2000 г.) Новосибирск: НГПУ, 2001. С. 94–96. [Saikova N. V. The problem of derivational interpretation of secondary texts. *Interpretation in linguistics and literary studies*: Proc. of the First Philological readings dedicated to the 65th anniversary of NSPU, Novosibirsk, 24–25 Nov 2000. Novosibirsk: NSPU, 2001, 94–96. (In Russ.)] EDN: VSOKKB

44. Сайкова Н. В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 163 с. [Saikova N. V. *Interaction of word and text in the derivational aspect: secondary texts of different types*. Cand. Philol. Sci. Diss. Barnaul, 2002, 163. (In Russ.)] EDN: RDOBPT

45. Мельник Н. В. Лингвогидактический потенциал вторичного текста: лингвоперсонологический аспект. *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение*, под ред. Н. Д. Голова, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул-Кемерово: БГПУ, 2006. С. 375–382. [Melnik N. V. Linguoguidactic potential of the secondary text: linguistic-personological aspect. *Linguistic personology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning*, eds. Golev N. D., Lebedeva N. B., Saikova N. V., Khomich E. P. Barnaul-Kemerovo: BSPU, 2006, 375–382. (In Russ.)] EDN: TARUXZ

46. Мельник Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты. Кемерово: КемГУ, 2010. 211 с. [Melnik N. V. *Derivational functioning of the text: linguacentric and personocentric aspects*. Kemerovo: KemSU, 2010, 211. (In Russ.)] EDN: QWDXIR

47. Мельник Н. В. Лингвоцентрические факторы деривационного функционирования текста. *Актуальные проблемы современного словообразования*, под общ. ред. Л. А. Араевой. Кемерово: КемГУ, 2011. Вып. 4. С. 85–90. [Melnik N. V. Linguocentrical factors of the derivational operation of the text. *Relevant issues of modern word formation*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemSU, 2011, 85–90. (In Russ.)] EDN: SWQOKT

48. Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011. 403 с. [Melnik N. V. *Derivational functioning of the Russian text: linguacentric and personocentric aspects*. Dr. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 403. (In Russ.)] EDN: QFLGFL

49. Козлова Л. Н. Особенности передачи синтаксической разговорности при переводе (на материале немецкоязычных переводов произведений Л. Улицкой). *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2012. № 14. С. 205–209. [Kozlova L. N. Transfer of syntactic colloquialism in German translations of L. Ulitskaya's works. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2012, (14): 205–209. (In Russ.)] EDN: PBYCDJ

50. Кудря С. В. Транслатологическая характеристика медицинского опросного инструмента как типа текста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. № 1-2. С. 90–96. [Kudrya S. V. Translatological characteristics of clinical research questionnaire as a text type. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologii. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2009, (1-2): 90–96. (In Russ.)] EDN: KVDGIL

51. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 4. С. 148–153. [Melnik N. V. Derivatological and lingvopersonological interpretation of secondary texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)] EDN: NCNOIT

52. Шимановская Л. А. Анализ типичных ошибок в аннотациях на английском языке к научным статьям по проблемам инженерной экологии. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013. Т. 16. № 13. С. 287–292. [Shimanovskaya L. A. Analysis of typical errors in English annotations to research articles on ecological problems. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2013, 16(13): 287–292. (In Russ.)] EDN: QLQCUT

53. Абдрахманова О. Р. Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 228 с. [Abdrakhmanova O. R. *Problems of translatability of stylistically reduced vocabulary in a literary text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2006, 228. (In Russ.)] EDN: NNXDBL

54. Парижева М. А. Еще раз о непереводимости поэзии (лингвопоэтическое исследование одного стихотворения Рильке). *Lingua-universum*. 2011. № 6. С. 13–14. [Parizheva M. A. Once again about the untranslatability of poetry: a linguopoetic study of one of Rilke's poems. *Lingua-universum*, 2011, (6): 13–14. (In Russ.)] EDN: WHXOOT

55. Kovachichova O. «Песнь о вещем Олеге» в словацких переводах: версологические аспекты перевода. *Мир романтизма*. 2006. № 11. С. 153–161. [Kovachichova O. "The Song of the Prophetic Oleg" in Slovak translations: virological aspects of translation. *Mir romantizma*, 2006, (11): 153–161. (In Russ.)] EDN: QZGXSL

56. Модестов В. С. Перевод пьес – занятие специфическое (к проблеме художественного перевода). *Вопросы филологии*. 2009. № 3. С. 91–104. [Modestov V. S. The hidden reef of play translation (on the problem of literary translation). *Voprosy filologii*, 2009, (3): 91–104. (In Russ.)] EDN: NFQOZV

57. Мао Ч. Исследование о степени переводимости и непереводимости в поэзиях – на примерах перевода с китайского языка на русский. *Научная перспектива*. 2015. № 3. С. 88–91. [Mao Ch. A study on the degree of translatability and non-translatability in poetry: translation from Chinese into Russian. *Nauchnaia perspektiva*, 2015, (3): 88–91. (In Russ.)] EDN: TMNLIL

58. Аверкина С. Н. Художественный перевод как фактор рецепции (образы одежды в русских переводах Т. Манна и Ф. Кафки). *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2007. № 1. С. 192–199. [Averkina S. N. Artistic translation as a reception factor: images of clothes in Russian translations by T. Mann and F. Kafka. *LUNN Bulletin*, 2007, (1): 192–199. (In Russ.)] EDN: MMBXCJ

59. Ветчинова М. Н. Перевод как метод обучения иностранному языку (из истории методики перевода XIX в.). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2018. № 3. С. 104–110. [Vetchinova M. N. Translation as a way of teaching foreign languages: a case study of translation teaching methods used in the 19th century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia. 22. Teoriia perevoda*, 2018, (3): 104–110. (In Russ.)] EDN: YTAUGT

60. Drutsko N. A. Translation method in multi-level foreign language teaching. *International research journal*, 2019, (1-2): 73–77. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.79.1.042>

61. Масленникова Н. Л. Перевод как метод обучения иностранному языку. *Теория и практика иноязычного обучения в высшей военной школе*: сб. тр. конф. (Санкт-Петербург, 27 апреля 2016 г.) СПб.: СПВИ ВВ МВД России, 2016. С. 85–90. [Maslennikova N. L. Translation as a method of teaching a foreign language. *Theory and practice of foreign language teaching at the Higher Military School*: Proc. Conf., St. Petersburg, 27 Apr 2016. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of Internal Troops Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016, 85–90. (In Russ.)] EDN: TZCBDG

62. Быкова С. А. Обратный перевод как метод обучения языку. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: мат-лы науч.-метод. конф.* (Москва, 28–29 октября 2017 г.) М.: Ключ-С, 2018. Вып. 17. С. 33–37. [Bykova S. A. Reverse translation as a method of language teaching. *Japanese language in higher education: actual problems of teaching*: Proc. Sci.-Method. Conf. Moscow, 28–29 Oct 2017. Moscow: Kliuch-S, 2018, iss. 17, 33–37. (In Russ.)] EDN: YUUTRM

63. Котенко В. В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 4. С. 225–231. [Kotenko V. V. Prospects for development of neural machine translation in the context of the concept of open education. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2020, (4): 225–231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.4.p225-231>

64. Володько С. М., Жмакина Т. В. Обучающий перевод как метод обучения языку для специальных целей (на примере терминологического языка государственного управления). *Современные вопросы лингвистики, переводоведения, педагогики и психологии: традиции и инновации*: Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 28 июня 2019 г.) Брянск: БГТУ, 2019. С. 180–183. [Volodko S. M., Zhmakina T. V. Educational translation as a method of teaching a language for special purposes (on the example of the terminological language of public administration). *Modern issues of linguistics, translation studies, pedagogy and psychology: traditions and innovations*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Bryansk, 28 Jun 2019. Bryansk: BSTU, 2019, 180–183. (In Russ.)] EDN: NNBZRU

65. Исаева А. А. Новые тенденции в обучении письменному переводу: revising и post-editing machine translation (PEMT). *Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние*: сб. тез. IV Общерос. науч. онлайн-конф. с междунар. участием. (Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 г.) Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 88–90. [Isaeva A. A. New trends in teaching written translation: revising and post-editing machine translation (PEMT). *Translation and culture: interaction and mutual influence*: Proc. IV All-Russian Sci. Online Conf. with Intern. Participation, Nizhny Novgorod, 10–11 Oct 2020. Nizhny Novgorod: NSLU, 2020, 88–90. (In Russ.)] EDN: OZVPJT

66. Баранникова Т. Б., Магамдаров Р. Ш. Обратный перевод как средство обучения стилистически маркированной лексике английского языка. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2013. № 3. С. 54–57. [Barannikova T. B., Magamdarov R. Sh. The back translation as a means of teaching stylistically marked vocabulary of the English language. *Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2013, (3): 54–57. (In Russ.)] EDN: SEDLQR

67. Эркаев Э. Т. Особенности метода переводов при обучении иностранным языкам. *Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации*: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-метод. онлайн-конф. (Курск, 14 мая 2019 г.) Курск: КГМУ, 2019. С. 414–419. [Erkaev E. T. Features of the translation method in teaching foreign languages. *Methods of teaching foreign languages and RCT: traditions and innovations*: Proc. IV Intern. Sci.-Method. Online Conf., Kursk, 14 May 2019. Kursk: KSMU, 2019, 414–419. (In Russ.)] EDN: PALKNB

68. Голев Н. Д., Иркова А. В. Синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава статьи 152 ГК РФ. *Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: Междунар. науч. конф.* (Москва, 1–2 октября 2019 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 421–430. [Golev N. D., Irkova A. V. Synchronous-diachronic semasiological analysis of the lexical composition of Article 152 of the Russian Civil Code. *Modern theoretical Linguistics and problems of forensic examination: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 1–2 Oct 2019. Moscow: Pushkin Institute, 2019, 421–430. (In Russ.)] EDN: FTJYBM

69. Колесников А. А., Баженов Р. И. Исследование систем онлайн перевода. *Постулат*. 2017. № 1. [Kolesnikov A. A., Bazhenov R. I. Research online translation systems. *Postulat*, 2017, (1). (In Russ.)] URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/328> (accessed 8 Aug 2021). EDN: XXBKZR

70. Козина А. В., Белов Ю. С. Оценка качества машинного перевода на основе ансамблевых методов машинного обучения. *Наукоемкие технологии*. 2021. Т. 22. № 2. С. 52–58. [Kozina A. V., Belov Yu. S. Development of a method for assessing the quality of machine translation based on ensemble methods in machine learning. *Science Intensive Technologies*, 2021, 22(2): 52–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18127/j19998465-202102-06>

71. Волкова Т. А. Реперные точки как инструмент экспериментального исследования и оценки качества перевода. *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 34. С. 850–853. [Volkova T. A. Markers in empirical translation research and translation quality assessment. *Cognitive studies of language*, 2018, (34): 850–853. (In Russ.)] EDN: YNQXWP

72. Корнилов В. С., Глушань В. М., Лозовой А. Ю. Оценка качества машинного перевода текста с использованием метода анализа нечетких дубликатов. *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2017. № 7. С. 102–111. [Kornilov V. S., Glushan V. M., Lozovoy A. Yu. Assessment of the quality of machine translation text with use a method of analysis of fuzzy duplicates. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2017, (7): 102–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2311-3103-2017-7-102-111>

73. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 189 с. [Sternin I. A. *Contrastive linguistics*. Voronezh: Istoki, 2004, 189. (In Russ.)] EDN: QRROTB

74. Маклакова Е. А. О понятии лингвокультурологической специфики значения слова. *Текст – дискурс – картина мира*, науч. ред. О. Н. Чарыкова. Воронеж: Истоки, 2011. Вып. 7. С. 3–9. [Maklakova E. A. The concept of linguaculturological specificity. *Text – discourse – picture of the world*, ed. Charykova O. N. Voronezh: Istoki, 2011, iss. 7, 3–9. (In Russ.)] EDN: VWCCTX

75. Цинь П. Деловое письмо-поздравление в русском языке на фоне китайского: комплексная характеристика речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2022. 24 с. [Qin P. *Business letter of congratulations in Russian against the background of Chinese: a complex characteristic of the speech genre*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2022, 24. (In Russ.)]

76. Тараканова И. В. Сопоставительное и контрастивное изучение языков, или «контрастивная лингвистика» сегодня. *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики*, ред. М. Я. Блох, Е. А. Фрейдина, Е. А. Никулина. М.: Национальный книжный центр, 2018. Вып. 16. С. 186–191. [Tarakanova I. V. Comparative and contrastive language learning, or "contrastive linguistics" today. *Actual problems of English linguistics and linguadidactics*, eds. Blokh M. Ya., Freydina E. L., Nikulina E. A. Moscow: Natsionalnyi knizhnyi tsentr, 2018, iss. 16, 186–191. (In Russ.)] EDN: UTOTBQ

77. Воронцова Ю. А. Отражение эмоциональной лексики в переводе. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. № 8-2. С. 11–14. [Vorontsova Yu. A. Reflection of emotional vocabulary in translation. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, (8-2): 11–14. (In Russ.)] EDN: UGRHNL

78. Гонсалес Г. Х. М., Гарипова А. Б. Отражение особенностей языковой личности при переводе (на примере дискурса лидера партии «Вокс» Сантьяго Абаскаля). *Интернаука*. 2021. № 36. С. 18–20. [González G. J. M., Garipova A. B. The reflection of peculiarities of a linguistic personality in translation (using the example of the discourse of the Vox party's Santiago Abascal). *Internauka*, 2021, (36): 18–20. (In Russ.)] EDN: BEGTQP

79. Николенкова Н. В., Преснова Н. В. Отражение грамматических структур латинского оригинала в церковнославянском переводе Атласа Блау. *Stephanos*. 2019. № 2. С. 111–117. [Nikolenkova N. V., Presnova N. V. The reflection of Latin grammatical structures in Old Slavonic translation of Blaeu's cosmography. *Stephanos*, 2019, (2): 111–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2019-34-2-111-117>

80. Фефилов А. И. Конфронтативная лингвистика. *Симбирский научный вестник*. 2015. № 2. С. 180–194. [Fefilov A. I. Confrontative linguistics. *Simbirskiy nauchnyi vestnik*, 2015, (2): 180–194. (In Russ.)] EDN: VUCQTV

81. Эржигитова Ш. Ж. Некоторые вопросы конфронтативного изучения лексических единиц кыргызского и русского языков (на материале терминов родства). *Наука и новые технологии*. 2014. № 7. С. 143–145. [Erzhigitova Sh. Zh. Some problems of confrontational study of lexical units of the Kyrgyz and Russian languages (on the basis of kinship terms). *Nauka i novye tekhnologii*, 2014, (7): 143–145. (In Russ.)] EDN: YRDTSN

82. Кульпина В. Г., Татаринов В. А. 2008.01.021. Бартвицка Х. Польско-русские конфронтативно-переводческие исследования. Bartwicka H. Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. – W-wa: Takt,

2006. – 125 s. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкоизнание. Реферативный журнал*. 2008. № 1. С. 128–138. [Kulpina V. G., Tatarinov V. A. 2008.01.021. Bartwicka H. Polish-Russian confrontational and translation studies. Bartwicka H. Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. W-wa: Takt, 2006. 125 s. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Iazykoiznание. Referativnyi zhurnal*, 2008, (1): 128–138. (In Russ.)] EDN: IBXPMR

83. Рецкер Я. И. О переводческом эксперименте. *Тетради переводчика*, под ред. Л. С. Бархударова. М.: Междунар. отношения, 1974. Вып. 11. С. 31–40. [Retsker Ia. I. A translation experiment. *Translator's notebooks*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1974, iss. 11, 31–40. (In Russ.)]

84. Волкова Т. А. Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоизнание*. 2018. Т. 17. № 4. С. 102–116. [Volkova T. A. Translation experiment and the development of empirical translation research in Russian translation studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoiznание*, 2018, 17(4): 102–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>

85. Первухина С. В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2012. Т. 1. № 2. С. 116–124. [Pervukhina S. V. Cognitive-semantic relations between secondary texts and their texts-sources. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2012, 1(2): 116–124. (In Russ.)] EDN: PJBQJT

86. Серова Т. С., Коваленко М. П., Кушева И. В. Типы и функции контекстов при переводческом чтении исходного текста и порождении вторичного текста перевода. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоизнания и педагогики*. 2020. № 2. С. 20–38. [Serova T. S., Kovalenko M. P., Kusheva I. V. Types and functions of contexts in the process of reading source text and generating target text in translation. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2020, (2): 20–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2020.2.2>

87. Бузаджи Д. М., Псурцев Д. В. Пересказ как мера переводимости: о результатах одного эксперимента. *Мосты. Журнал переводчиков*. 2019. № 1. С. 36–56. [Buzadzh D. M., Psurtsev D. V. Retelling as a measure of translatability: on the results of one experiment. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2019, (1): 36–56. (In Russ.)] EDN: PIXPLI

88. Петрова А. А., Солнышкина М. И. Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциальнопрагматические и пропозициональные характеристики. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 221–249. [Petrova A. A., Solnyshkina M. I. Immediate recall as a secondary text: referential parameters, pragmatics and propositions. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25(1): 221–249. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249>

89. Широких И. А. Переводной текст как разновидность вторичного текста. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2010. № 10. С. 250–253. [Shirokikh I. A. Translated text as a kind of secondary text. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2010, (10): 250–253. (In Russ.)] EDN: RMWKMB

90. Каблуков Е. В. Рассмотрение законопроекта как вторичный текст. *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2006. № 45. С. 74–84. [Kablukov E. V. Consideration of the draft law as a secondary text. *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2006, (45): 74–84. (In Russ.)] EDN: JTXMLK

91. Люнгрин В. А. Студенческий конспект как вторичный текст естественной письменной речи. *Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: мат-лы симпозиума XIII (XLV) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей»*. (Кемерово, 19 апреля 2018 г.) Кемерово: КемГУ, 2018. Вып. 19. Т. 5. С. 308–309. [Liungrin V. A. Student's abstract as a secondary text of natural written speech. *Philology, foreign languages, and media communications: Proc. Symposium XIII (XLV) Intern. Sci.-Prac. Conf. "Education, science, and innovation: contribution of young researchers"*, Kemerovo, 19 Apr 2018. Kemerovo: KemSU, 2018, iss. 19, vol. 5, 308–309. (In Russ.)] EDN: SMCJGH

92. Шимановская Л. А. Аналитико-синтетическая деятельность переводчика как основа выполнения качественного перевода научной статьи. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоизнания и педагогики*. 2015. № 2. С. 43–49. [Shimanovskaya L. A. Analysis and synthesis procedures as the basis of a highly professional translation of a research paper. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2015, (2): 43–49. (In Russ.)] EDN: VBJTEZ

93. Базылев В. Н. «Философия» машинного перевода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 2. С. 88–96. [Bazylev V. N. The philosophy of computer translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, (2): 88–96. (In Russ.)] EDN: JWWTKR

94. Георгиева Н. Ю. Переводческий хронотоп как отражение переводческой картины мира. *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6. [Georgieva N. Yu. Translation chronotope as a reflection of the interpreter's worldview. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7449> (accessed 8 Aug 2021). EDN: TODRIX

95. Мельник Н. В. Лингвоперсонологические аспекты исследования вторичных текстов. *Актуальные проблемы современного словообразования*: мат-лы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 3–5 июля 2008 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. Вып. 2. С. 304–308. [Melnik N. V. Linguapersonological aspects of the study of secondary texts. *Relevant issues of modern word formation*: Proc. Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 3–5 Jul 2008. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, iss. 2, 304–308. (In Russ.)] EDN: TQFNPB

96. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с. [Katsnelson S. D. *Typology of language and speech thinking*. Leningrad: Nauka, 1972, 216. (In Russ.)]

97. Голев Н. Д., Лебедева Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина). *Юрислингвистика*. 2000. № 2. С. 158–171. [Golev N. D., Lebedeva N. B. The speech genre of quarrels and conflict scenarios in V. M. Shukshin's stories. *Legal Linguistics*, 2000, (2): 158–171. (In Russ.)] EDN: WDLKGH

98. Баркович А. А. Метаязыковая специфика моделирования: деривационный аспект. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. № 7. С. 68–72. [Barkovich A. A. Metalinguage specificity of modeling: derivational aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2017, (7): 68–72. (In Russ.)] EDN: ZTPHPX

99. Бездорожев С. В. Новый взгляд на роль переводчика: проблема использования машинного перевода. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013. № 2. [Bezdrozhev S. V. A new look at the translator's role: the problem of using a machine translation. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2013, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-2-749>

100. Дулов С. Ю., Шмелева А. Г., Боронкинова Н. Т. Практика машинного перевода и искусственного интеллекта в области перевода. *Успехи в химии и химической технологии*. 2017. Т. 31. № 14. С. 62–64. [Dulov S. Yu., Shmleleva A. G., Boronkinova N. T. Practice of machine translation and man-made languages in translation. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*, 2017, 31(14): 62–64. (In Russ.)] EDN: ZUGELD

101. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с. [Tiulenev S. V. *Theory of translation*. Moscow: Gardariki, 2004, 336. (In Russ.)]

102. Душинина Е. В. Интерференция при обучении переводу в техническом вузе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12-2. С. 197–199. [Dushinina E. V. Interference in translation training in technical institutions of higher education. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (12-2): 197–199. (In Russ.)] EDN: XAHGZN

103. Рогозная Н. Н., Чэн И. Интерференты в речи китайских студентов. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2013. № 10-2. С. 120–121. [Rogoznaya N. N., Chen Y. Interferent in the speech of Chinese students. *International Research Journal*, 2013, (10-2): 120–121. (In Russ.)] EDN: RJZCAL

104. Грецкая Т. В., Зябкина Е. Л. Особенности лексической интерференции при контакте английского и немецкого языков. *Проблемы современных социокультурных исследований*: Всерос. науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: Астраханский ун-т, 2019. С. 135–138. [Gretskaya T. V., Ziabkina E. L. Features of lexical interference in the contact of English and German languages. *Problems of modern socio-cultural research*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 28 Nov 2019. Astrakhan: ASU, 2019, 135–138. (In Russ.)] EDN: SZJNPH

105. Инькова О. Ю. Лексическая интерференция в итальянском и французском языках (проблемы «ложных друзей переводчика»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 24 с. [Inkova O. Yu. *Lexical interference in Italian and French: translator's "false friends"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1992, 24. (In Russ.)] EDN: ZKVVZH

106. Стрельцов А. А. «Двуполикый янус» перевода, или «о "ложных друзьях" замолвите слово». *Иностранные языки в высшей школе*. 2010. № 1. С. 92–97. [Streltsov A. A. The two-faced Janus of translation, or translator's false friends. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2010, (1): 92–97. (In Russ.)] EDN: OFNDPJ

107. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170. [Proshina Z. G. Translingualism and its application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2017, 14(2): 155–170. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>

108. Хансен Дж. Как понимать трансъязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2. С. 62–73. [Hansen Ju. Making sense of the translingual text: Russian wordplay, names, and cultural allusions in Olga Grushin's the Dream life of Sukhanov. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 2016, (2): 62–73. (In Russ.)] EDN: WFRLHH